УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ «ВЕСТИ» КАМЧАТКИ, ЗДРАВСТВУЙТЕ! **В моем письме изложена горькая судьба камчатских ездовых собак, этого безмолвного животного, подчиненного воле человека и о том, что пришлось им пережить в годы присоединения Камчатки к России при развитии государственного рыболовства в Охотско-Камчатском рыболовном акционерном обществе (ОКАРО) в 1920 годы XX века.**

Я родился на Камчатке в селе Пахачи 28 января 1941 года. В 1953 году мы переехали всей семьей в поселок Корф. Родители работали на корфском рыбокомбинате, отец – механиком на катерах, мать – бухгалтером.
Школу в Корфе окончил в 1959 году. Трудовую деятельность начал на корфском рыбокомбинате мотористом катеров. В 1961 году призвали на службу. После окончания учебного отряда подводного плавания служил на подводных лодках на Камчатке. Службу закончил главстаршиной команды радистов подводных лодок. После службы окончил училище счетно-клавишных машин в Новосибирске. В 1973 году перешел на работу в авиапредприятие «Тиличики», где работал авиатехником по обслуживанию самолетов и вертолетов (малая авиация). В 2013 году по возрасту и болезни ушел на пенсию. Работая в авиации, посмотрел Россию-матушку с воздуха на низкой высоте (500-2000 м) до Архангельска. Видел сверху пути, по которым пришлось проходить русским землепроходцам и экспедициям Витуса Беринга от Иркутска до Охотска. Какие полноводные и могучие реки Сибири в то далекое время приходилось им преодолевать пешком, на лошадях, собаках и оленях, особенно зимой, когда морозы достигали 50-60 градусов.
Посмотрел Камчатку и с воздуха, и с моря, обошел многие долины, бухты и хребты, т.к. много лет занимался охотой, в свободное время добывая все, что разрешено законом. Сотрудничал с ГПХ (гос-промхозы), много лет дружил с наукой – Камчатпромохота, КамчатНИРО, геологами, ботаниками и т.д.
Хорошо знаю природу Камчатки, организовывал турпоходы со школьниками по экзотическим местам северо-востока Олюторского района. Побывал во многих местах – вплоть до Чукотки. Более 40 лет занимаюсь вопросами краеведения, т.к. хочу досконально знать, как начиналось развитие Камчатки с незапамятных времен.
В своей публикации я попытался рассказать о проблемах ездового собаководства со времен Витуса Беринга по наше время. А организаторам гонок «Берингии» советую учесть то, что пережили собаки, когда их интенсивно и беспощадно эксплуатировали.
И еще. Сегодня в исполнительной власти поселений Камчатки работают люди, которые никогда не были связаны с ездовым собаководством. Поэтому мы слышим парадоксальные заявления некоторых глав муниципальных и поселковых образований. К примеру, в 2013 году в Тиличиках финишировала «Берингия-2013». При торжественном праздновании и награждении участников гонки после выступления губернатора Камчатского края Владимира Илюхина выступил глава Олюторского района и с трибуны при всем честном народе заявил следующее: «…на следующие гонки «Берингии» наш район выставит пять упряжек». Откуда? Где их взять, если в северных селениях почти полностью умерло ездовое собаководство.
Я спросил у главы ОМР
О.Н. Свириденко, как он собирается исполнять обещание. Собак надо вырастить (найти племенных), обучить, подобрать по одинаковой работоспособности, организовать корм.

На это уйдет минимум 5-6 лет. Он обиделся.
А куратор культуры и спорта говорит: «Главное – не приз, а участие». Что оно дает, это участие?
Камчатским ездовым собакам необходимо поставить памятник на видном месте и написать: «Благодарные камчатцы безмолвному животному, по воле судьбы исполняющему волю человека во времени».
Они заслужили это своим адски тяжелым трудом. На их «костях» повсюду проторены дороги на Камчатке.

Поставьте памятник собакам Камчатки! «На протяжение столетий собака играла важнейшую роль в жизни людей, населяющих Камчатку. Как единственное охотничье и транспортное животное, она определяла саму возможность существования и расселения человека в условиях того времени. Недаром ительмены считали собак соучастниками сотворения мира…
Камчатка более других регионов обязана собаке развитием своей территории. А досталось «собачкам немало и признания, и лишений», особенно, начиная с периода освоения и присоединения Камчатки к России…» (автор строк неизвестен), со времен Витуса Беринга, когда аборигены Камчатки потеряли (лишились) больше всего ездовых собак». И вот почему: …Осенью 1728 года пришел в Большерецк Витус Беринг с двумя судами, загруженными провизией, такелажем и другими экспедиционными грузами. Все эти грузы Витус Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в собачьих нартах (собаках), согнанных из всех камчатских селений. Помимо этого камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Витуса Беринга со всей командой. Такое безрассудное распоряжение Витуса Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. В связи с тем, что собаки были собраны из селений для транспортировки грузов на продолжительное время (всю зиму, до весны), камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла – единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы за неимением собак вынуждены были прекратить свои зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительной и тяжелой изнурительной работы, что на долгое время привело в расстройство камчадалов, не получивших за свои лишения почти никакого вознаграждения. Витус Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам…» (А.С. Сгибнев «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке в 1675 по 1856 годы»).
То же самое произошло и во второй камчатской морской экспедиции Витуса Беринга (1733-1741 гг) в 1740 году: «...Особую заботу причинял вопрос о том, как перевезти из Большерецка в Петропавловск все продовольствие и снаряжение, доставленное двумя вспомогательными судами из Охотска в Большерецк. Лошадей на Камчатке еще не было, то надлежало совершить перевозки снаряжения и продовольствия на собачьих упряжках. Но, так как для перевозки всех грузов невозможно было найти огромное количество ездовых собак, то надлежало послать по камчатским селениям людей, чтобы согнать собачьи упряжки в Большерецк. За упряжку из восьми собак, способных перевезти 400 фунтов груза (200 кг), платили деньгами, как за одну лошадь – 4 рубля. Для камчадалов это оказалось непривычным делом – удаляться от своих селений дальше, чем на 10-20 верст. Теперь же их заставляли идти на край света, к тому же со

своими собаками, которых они любят превыше всех земных сокровищ. Деньгами они вовсе не соблазнились и не понимали, что такое деньги. Поэтому, они взбунтовались, убили несколько посланных к ним служивых людей и бежали затем в дальние стойбища…
…С большим трудом, с помощью оружия и силы удалось собрать от четырех до пяти тысяч ездовых собак. Камчадалам аккуратно производили оплату за каждую перевозку груза и, поняв, что их больше не обманывают и привыкнув к такой работе, они больше никаких препятствий не чинили…» (Витус Беринг. «Камчатские морские экспедиции». «Вторая Камчатская морская экспедиция (1733-1745 гг.), глава 10. стр. 181-183).
«… Чиновники, даже самые мелкие, для разъездов по Камчатке свободно отнимали у камчадалов жизненно-необходимых им собак, которые от тяжелой и изнурительной работы и без должного ухода (кормления, отдыха и т.д.) часто погибали. Изощрения начальства доходили до того, что собак впрягали в огромные отапливаемые повозки. К примеру: «Первый охотский комендант Козлов-Угренин, которому была подчинена Камчатка, пожелал лично осмотреть вверенный ему отдаленный край. В ноябре 1786 года он отправился из Охотска в путешествие с большой дворней, сухим путем по берегу Охотского моря в Камчатку. 22 января 1787 года в Ижиче он взял для своего конвоя 50 казаков и 10 человек прислуги, и инородцев, сопровождавших его. Городничий и исправник ехали впереди и выгоняли инородцев для вырубки кустарников и леса, мешавших проезду большого возка Угренина, в котором была устроена железная печь. В этот возок впрягалось до 60 собак, да под конвой и прислугу до 250 собак, согнанных на дорогу со всего полуострова… 300 собак запрягалось под багаж Угренина, 50 в его повозку, 40 в повозку Лесепса и, кроме того, множество нарт ехало с конвоем и дворнею Угренина.
В половине февраля на пути из Нижнекамчатска через Еловку, Говенский и Пусторецкий остроги погибло более половины собак, так что нарты с багажом были оставлены на дороге. Да и для остальных собак не осталось кормов. Жители острожков, напуганные рассказами про жестокости Угренина, все разбежались, спрятав свои рыбные запасы. В Пусторецком острожке все остальные собаки подохли от голода и изнурения… Потеряв своих собак, аборигены вынуждены были возвращаться в свои стойбища пешком за 400-500 верст. Это событие камдачалы назвали – собачьей оспой». (А.С. Сгибнев, «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 год).

«…В 1843 году командир брига «Охотск» капитан-лейтетант Тронковскимй донес начальнику Охотского порта, что во время зимовки в Ижиче приходившие туда чукчи объявили ему, что в последнее время стали показываться у устья реки Анадыра какие-то иностранные суда для торговли с чукчами и что на самом устье построена ими небольшая крепостка с несколькими орудиями, при которой поселено 12 человек иностранцев с женами… Генерал-губернатор донес об этих слухах министру внутренних дел, который 21 января 1845 года предложил ему для собрания более верных сведений о действии иностранных компаний на реке Анадыр снарядить туда экспедицию за счет иркутской казенной палаты. Но вновь поступивший начальником Охотского порта капитан Вонляровский представил генерал-губернатору Руперту по поводу этой экспедиции следующие соображения: «Экспедиция эта не только затруднена. Но даже невозможна, по трудности сообщения Ижичи с рекой Анадыром. Хотя в старину ижичинские казаки довольно часто посещали реку Анадыр, но это делалось при

содействии коряк, сопровождавших казаков со своим табуном оленей. В настоящее же время, по случаю удаления коряк от места их прежних жительств и уменьшений у них оленей, не только сделало затруднительным сообщение Ижичи с Анадыром, но даже и Камчатки с Охотском.
… Если только отправить экспедицию на собаках, то нельзя рассчитывать, когда она вернется, потому что на этом пути бывают пурги по две и по три недели. После которых необходимо на лыжах прокладывать дорогу для собак, пробегающих при худших обстоятельствах только от 5 до 10 верст в сутки. К тому же на 5 человек с провизиею на два месяца необходимо иметь 11-ть нарт, да для собак корму 43 нарты, для чего потребуется 648 собак и 54 каюра. Каюр необходим при каждой нарте собак. Но таких перевозочных средств не может дать Ижига, да и если бы средства эти и нашлись, то на одни прогоны пришлось бы употребить 4860 рублей, не говоря уже о том, что 12-ть человек не принесут никакой пользы делу, если действительно найдут там укрепления. Поэтому, я полагал бы отправить экспедицию морем…» (А.С. Сгибнев «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке в 1650 по 1856 годы»).
В вышеописанных исторических событиях рассказано о том, в каких условиях эксплуатировались ездовые собаки на Камчатке во времена Витуса Беринга. Кроме этих событий надо иметь в виду и то, что на Камчатке в те далекие времена зимы были очень снежные с жесточайшими и долгими пургами, длившимися по две-три недели. Люди и собаки очень сильно голодали, и те и другие погибали от голода. Чтобы выжить, каюрам приходилось убивать ослабевших собак и подкармливать оставшихся мясом их сородичей и самим каюрам есть собачье сырое мясо. Об этом красноречиво рассказано в книге «Моя Камчатка» (Записи православного миссионера Митрополита Нестора (в миру Николай Александрович Анисимов) в главе «Буран и другие происшествия в 1911 году между реками Анапка и Пустая». Стр. 107-114).
Во время работы в аэропорту «Тиличики» авиатехником мне приходилось бывать в этих местах. Это самое узкое место, образуемое горами, данную долину оленеводы называют «щеки». Здесь бывают ураганные ветры, особенно, зимой, и путник, попавший в это место в пургу, может погибнуть. В этом месте гибли не только собаки, олени, но и люди…
В советское время, когда в Охотско-Камчатском крае стало развиваться государственное рыболовство, росла и развивалась береговая рыбоперерабатывающая отрасль, рыбные береговые поселки-базы. А авиация еще делала первые шаги в своем развитии, основная связь между селами была на собачьих упряжках. Они обеспечивали почтовую связь с сотнями поселений, колхозов, совхозов. Собак имели райкомы партий, рыбкоопы, воинские части (пограничники) и т.д.
Но, повторюсь, самым трудным временем для ездовых собак Камчатки стал период присоединения Камчатки к России, особенно во времена первой (1725-1730 гг.) и второй Камчатской экспедиций Витуса Беринга (1732-1743 гг.), когда ездовые собаки от изнурительного труда и ненадлежащего ухода (кормления и отдыха) погибали сотнями…
На собачьих «костях» проложены дороги от Большерецка до Нижнекамчатска, от Большерецка до Петропавловска, по восточному и западному побережьям Камчатки, из Охотска в Камчатку.
Из всего вышесказанного следует, что камчатская ездовая собака заслужила па-мятник.
Если говорить о собачьих гонках «Берингия» и о том, почему некоторые жители

Камчатки относятся к ним неординарно, без восторга, с жалостью, то по этому поводу можно сказать следующее. Это пошло от первых гонок на собачьих упряжках «Берингия» в 1991-м и 1993-м годах, когда собачьи упряжки бежали самые длинные дистанции от 2000 км и более (супермарафон). Когда на промежуточный финиш дистанции, к примеру, в село Тиличики, собаки приходили с разбитыми в кровь лапами. Утром они не могли наступить на лапы и скулили от боли. Забинтованные лапы кровоточили, бинты набухали от крови. Распухшие лапы порой выглядели шире мужской ладони. Должного ветеринарного обеспечения собак не было…
Таких собак снимали с гонок, привозили в аэропорт «Тиличики», на руках загружали в самолет АН-2 и отправляли к месту их жительства. Все это происходило на глазах встречающих и провожающих людей. От жалости к собакам многие женщины и дети плакали, да и мужчины украдкой вытирали слезы.
Кормили собак в то время плохо. Рубили мороженый лосось и сырой давали собакам. От безысходности собаки вынуждены были грызть этот малокалорийный корм, но сырой лосось плохо усваиваеся организмом собаки, он вызывает тошноту, собака его отрыгивает и остается голодной. Хороший хозяин никогда не кормил собак сырым мороженым лососем. Обычно юкола подсоленная, квашенный в ямах лосось или вареный. Собакам каюры варили харч и давали теплый (юшку), чтобы пополнить, восстановить обезвоженный организм. Например, в Гренландии ездовых собак кормят белорыбицей – сырым палтусом (передача «В мире животных»). На финише многие собаки, как правило, валились с ног и сразу засыпали. Да и самим каюрам было несладко, после изнурительной дороги они могли только выпить чашку крепкого чая и прилечь, не то чтобы варить собакам еду. Поэтому многие собаки, изголодавшись, к финишу приходили сильно исхудавшие, и встречающие люди говорили: «И в чем только у собак душа держится, сквозь шубу (шерсть) ребра видно». Все это вызывало у людей жалось к собакам.
Я был волонтером на гонках «Берингия» в 1991-м и
1993-м годах на маршруте Вывенка – Тиличики – Хаилино. Работал в аэропорту «Тиличики» (два дня через два), времени свободного было достаточно, и я на снегоходе «Буран» согласился быть волонтером гонок «Берингия» тех лет
Первые гонки «Берингия» на промежуточных маршрутах были очень длинные. В 1991-м году собаки бежали маршрут Ильпырь – Вывенка – Тиличики – 180 км. Какая была необходимость насиловать упряжки на таком большом маршруте? Надо было заночевать в Вывенке. С Ильпыря они вышли в 6 часов утра. Первая упряжка Владимира Радивилова (Алькатваям. Чукотка) пришла в село Тиличики около 21 часа, последние – утром следующего дня. Когда я встретил первую упряжку Радивилова, на полпути между с Вывенка – Тиличики, на перевале «Чертов ключ» (тягун около 3000 м и высотой 250 м) упряжка встала, половина собак сразу легла на дорогу, собаки скулили, жаловались на свою горькую судьбу от усталости. Техника устает, а тут – живое существо… Но бежать еще оставалось 20 км до Тиличик. Благо, дорога была хорошо накатана. Я, когда все это увидел, сердце сжалось. Собаки увидели меня и заскулили, они понимали, что раз встретили человека на пути, значит, скоро будет село, а там – долгожданный отдых. Спрашивается, зачем надо было мучить собак на таком длинном маршруте?
В те годы «Берингию» обслуживал вертолет МИ-8 с экипажем Владимира Самарского (ныне покойного). Вертолетом перевозили питание собакам, вывозили заболевших

собак, волонтеров и т.д. Сегодня «Берингию» сопровождают импортные снегоходы. Но, чтобы «Берингия» жила, надо сделать еще очень много. Надо сделать так, чтобы люди, встречающие «Берингию» на финише, не видели окровавленных лап, худобу, когда «сквозь собачью шубу» светятся ребра. И чтобы некоторые люди, особенно разнузданная молодежь, с издевательством перестали говорить: «Такова собачья жизнь». Это аморально и очень жестоко по отношению к собакам.
Безусловно, кормление ездовых собак было извечной проблемой, как с экономической, хозяйственной так и финансовой точек зрения. К примеру, в первые годы правления Камчаткой (начальник Камчатки – П.И. Рикорд) в 1816-1817 годах на всем полуострове был сильный паводок, который смыл множество домов и балаганов с имуществом камчадалов. Кроме того, в 1816-1818 и 1820 годах был такой неулов рыбы, что если бы не энергичные распоряжения П.И. Рикорда, то дело не обошлось бы без большой смертности среди камчадалалов. Современная наука это событие связывает с неблагоприятной активностью солнца тех далеких лет. В то же время на полуострове появились целые стада медведей, которые, нуждаясь в пище, бродили по селениям, съедали скот, собак, запасы рыбы, бросались на людей и даже истреб-
ляли друг друга. Подобного случая еще никогда не было на Камчатке, и жители полуострова в течение всей зимы 1816-1817 года боялись выходить из жилищ невооруженными. «С осени 1916 года до весны 1817 года было убито одними туземцами до 500 медведей, да около Петропавловского порта нижним чинами – 197 штук. Медведи заели 80 голов скота, 3-х человек и сильно искусали 9 человек». (А.С. Сгибнев «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 годы»)
Кроме этого, в период «гнилого» лета, когда постоянно шли дожди, аборигены не могли заготовить юколы (сушеного лосося) не только собакам, но и для пропитания своих семей. От сырости на вешелах юкольников вся вялящаяся рыба пропадала. Тогда приходилось лосось квасить в ямах. Но, все же в годы первой пятилетки (1929-1933 годы) в годы организации государственного рыболовства в Охотско-Камчатском рыболовном обществе (ОКАРО) на проблему кормления ездовых собак обратили внимание. Раздел «собаководство»: «Единственным способом передвижения, а также перевозки грузов на дальние расстояния по Охотско-Камчатскому краю в зимнее время являются собаки, и олени. При необъятных снежных тундровых просторах и хребтах, в отсутствии дорог, собаки заменяют механизированное сообщение, а также используются с большим успехом вместо обычного лошадиного транспорта. Это обстоятельство вызывает необходимость к урегулированию и рационализации этих средств передвижения.
По переписи 1926 года по всему Камчатскому и Анадырскому районам числилось ездовых собак 50 000 штук. Колоссальное число! Средняя норма потребления корма в год на одну собаку – 200 штук крупного лосося, что составляет по всему Камчатскому краю около 10 миллионов штук крупного лосося в год. Цифра значительная, но, к сожалению, больше половины ездовых собак не оправдывают затраченных средств.
…Из этого следует, что проблема может быть разрешена с одной стороны сокращением количества ездовых собак (путем улучшения породы) до размеров действительной потребности и хозяйственной, с другой стороны – заменой привычного корма другим, например, испорченной рыбой, нерпичьим мясом или приготовлением из рыбных отходов при заготовке рыбы – галет.
Для улучшения качества собак с 1930 года на Камчатке предполагается организовать

два питомника. Начиная с 1932 года, ездовые собаки могут продаваться в первый год в количестве 400 штук, или 80 запряжек (считая 5 собак в запряжку), и во второй год – 1720 собак или 144 запряжки. Что позволит сохранить 860 собак или сохранить рыбу, считая 194 рубля в год на собаку – 75050 рублей. Всего расходов за пятилетку намечено от продажи собак в пятилетке – 89600 рублей, считая продажную стоимость собаки в 80 рублей. Полностью замена существующих на Камчатке собак племенными может быть осуществлена к концу второй пятилетки, что позволит сокращать рыбы ежегодно на пять миллионов рублей! Для замены собачьего корма другим питанием производится опыт выработки галет из рыбных отходов (преимущественно из голов) на туковом заводе при консервном производстве. Производственный анализ доказал, что выработанные галеты вполне пригодны для замены корма собакам». (« АКО. Пятилетний план по организации новый предприятий в Охотско-Камчатском крае 1929-1933 годы». ГАКО, ф. 106, от 1. д. 155. лл 12-14)
На каждом рыбокомбинате до 1960-х годов были питомники по разведению и воспитанию ездовых собак, каюры-воспитатели – они же выбраковщики собак. Вот только корма для собак из рыбных отходов – галет – видеть мне ни разу не приходилось, хотя и прожил на Камчатке более 75 лет. Может быть, сегодня, имея такую передовую технологию переработки рыбы, рыбоконсервные заводы наладят выпуск вкусных и калорийных консервов для собак. Когда собаки будут с удовольствием есть этот корм, чем варить им и давать мороженый лосось.
А вообще, ездовые собаки очень любят мороженную рыбу – навагу, ею всегда кормили ездовых собак. Эта рыба недорогая, по северным Карагинскому и Олюторскому районам она всегда была в достатке, и ее ловили рыбокомбинаты в больших объемах. Сегодня эту вкусную и недорогую рыбу почему-то перестали заготавливать. Говорят, нерентабельно. Но для питания собак на гонках «Берингия» заявку на вылов наваги в несколько тонн дать можно, т.к. собаки ее едят с удовольствием.
Ездовых собак на промежуточных финишах необходимо кормить теплой и разжиженной пищей, чтобы восстановить обезвоженный организм, особенно, в теплую погоду. Поэтому призер и победитель гонок на собачьих упряжках «Берингии» в 1993 году с Чукотки на эти гонки в качестве волонтера привез свою дочь Настю, которая летела на вертолете с экипажем Владимира Самарского, готовила еду своим собакам и, когда отец Владимир Радивилов приходил к финишу, еда собакам была готовая, остывшая… Упряжка Радивилова всегда была вовремя накормлена, собаки здоровые и сильные… Меня часто спрашивает современная молодежь и приезжие люди, никогда не видевшие ездовых собак, а где зимой содержали такую свору собак, были ли у них укрытия от непогоды? Ездовых собак держали, как правило, за поселком, на цепях. Были вкопаны столбы в землю на расстоянии от 50 метров друг от друга, натянут трос или длинная цепь, а с помощью карабинов и цепных поводков собак прикрепляли к этому тросу на расстоянии друг от друга, чтобы собаки не могли подраться. Будок у собак никогда не было. Непогоду переносили под открытым небом. Зимой сворачивались в клубок. Своим телом в снегу проделывали круглые ямки в виде тазиков, ложились в эти ямки, которые всегда были ниже поверхности снега. Во время сна снегом собак заносило снегом в этих ямках. Так они переносили непогоду. Летом, конечно, было труднее. От дождя не спрячешься. Когда собаки просыпались и хотели есть, стоял за поселком такой вой, что приезжие люди принимали это за что-то жуткое, мифическое. От надоедливых комаров, собаки на целях рыли в земле норы, мордой залазили в эти норы так, что торчал только

хвост.
В те времена ездовая собака на Камчатке была не просто другом человека. Она являлась его главным, надежным и безотказным союзником в освоении нашего сурового края. **Валентин МЯГКИХ**